наследие

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

«Строительство колокольни Смольного собора — это завершение авторского замысла великого зодчего»

О том, как воссозданные памятники архитектуры становятся со временем неотъемлемой частью городского ландшафта, об утраченных архитектурных доминантах Петербурга, о необходимости завершения ансамбля Растрелли по сохранившимся авторским чертежам, а также о возможности сделать из колокольни Смольного собора новую точку притяжения для горожан и туристов задолго до завершения ее строительства в интервью корреспонденту „Ъ“ Марии Кузнецовой рассказал руководитель архитектурного бюро «Литейная часть-91» **Рафаэль Даянов.**

— экспертное мнение —

— Каков мировой опыт воссоздания исторических объектов? Насколько это распространено, скажем, в европейских странах?

— Существует значительное число примеров разного рода реконструкций — как в Европе, так и в других странах мира. Многие знаменитые сооружения были разрушены после войн или пожаров и были впоследствии воссозданы. И сейчас, глядя на них, практически невозможно понять, что перед тобой: старинное здание или так называемый новодел. Вообще, я очень не люблю использовать это слово, потому как оно зачастую несет в себе негативный оттенок. А ведь именно воссоздание помогло нам увидеть, как выглядели довоенная Варшава, пригородные дворцы Петербурга, Потсдамский или Берлинский замки, множество разбросанных по всему миру церквей и костелов, которые без восстановления были бы безвозвратно утрачены. Порой от них не оставалось даже руин, это было фактически пустое место, память о котором хранилось только в воспоминаниях и хорошо, если еще и в чертежах. А взять хотя бы кампанилу собора Святого Марка в Венеции, которая просто рассыпалась в начале XX века. И здание довольно быстро восстановили, поскольку без него нарушался бы весь ансамбль площади. И сегодня кампанила воспринимается жителями и гостями города совершенно естественно, хотя фактически это тоже пресловутый новодел.

— Но ведь есть и иной путь — например консервация.

— Консервация не заменяет ни реконструкцию, ни реставрацию, ни восстановление. Она всего лишь им предшествует. Консервация — это постоянство ухода за объектом, так гласит Венецианская хартия. И это совершенно правильно: за любым зданием надо ухаживать каждый день, иначе через 50–70 лет мы рискуем его потерять. Если развить эту мысль, то и город в целом также нельзя просто взять и законсервировать, поскольку его развитие — это естественный процесс, и каждая эпоха вносит в него свои изменения. Когда я слышу тезисы о том, что исторический центр нужно оставить в покое, у меня это вызывает лишь удивление. Следуя этому принципу, спустя годы у нас останется, выражаясь метафорически, голое дерево, с которого упала вся листва.

— Когда воссоздание исторических объектов приобрело в нашем городе массовый характер?

— В послевоенное время. Если взглянуть на фотографии тех лет, то поражаешься, сколько титанического труда было вложено в восстановление разрушенных зданий и дворцово-парковых ансамблей. Моими учителями были великие люди, причастные к воссозданию ансамблей Петергофа и Павловска, Екатерининского дворца в Царском Селе и многого другого. Этим объектам был возвращен их первоначальный вид, и теперь они воспринимаются совершенно естественно. Теперь они стали гордостью нашего города, его неотъемлемой частью и важной составляющей.

— Как много в Петербурге архитектурных доминант, которые были утрачены?

— Очень много доминант было утрачено в 1960-е годы, а потом и в 1990-е. Сегодня мы говорим о десятках, но на самом деле их гораздо больше. Когда-то каждый отдельно взятый квартал имел свою доминанту. Если говорить о крупных и заметных объектах, то среди них — Мариинская церковь на Обводном канале, церковь Бориса и Глеба на Синопской набережной, а также Благовещенская церковь на площади Труда. Это те утраты, которые, с одной стороны, уничтожили микроансамбли, а с другой стороны — городскую панораму в целом. Лично для меня очень заметной квартальной доминантой была церковь Спаса на Сенной. После ее сноса площадь как таковая умерла. Поэтому если есть возможность вернуть память места, приведя его к первоначальному состоянию,— это нужно обязательно сделать, в том числе ради потомков.

— Как происходит работа с историческими документами?

— Это серьезная совместная работа историков и архитекторов. Прежде всего с архивными материалами: нужно понять, что мы знаем о том или ином здании. Для этого существуют даже не десятки, а сотни архивов. И профессионалов в этой области совсем немного. При этом все обнаруженные документы я проверяю сам: не взглядом историка, а взглядом архитектора. Чтобы не упустить ни одной детали.

— Поговорим о воссоздании колокольни Смольного монастыря. Почему вы считаете, что этот проект важен для Петербурга?

— К сожалению, по сей день район, в котором расположен Смольный собор, не играет в культурной жизни Петербурга какой-то заметной роли, которую мог бы сыграть. Здесь всегда был лишь административный центр города, который не привлекал внимания ни туристов, ни горожан, несмотря на расположенный там шедевр Растрелли. А формирование района вообще происходило без оглядки на его главную достопримечательность — этим также объясняется и появление в нем совсем уж, на мой взгляд, неуместных зданий. Поэтому строительство такого объекта, как колокольня, сможет решить сразу несколько задач. Во-первых, вдохнуть жизнь в это место, «вытянув» его из небытия, во-вторых, создать новый центр притяжения, вокруг которого начнет разрастаться соответствующая инфраструктура, и в-третьих, завершить существующий архитектурный ансамбль. Кроме того, за последние годы вокруг собора появилось много жилых зданий, фактически уничтоживших его доминирующую роль на левом берегу Невы. Колокольня же сможет исправить эту чудовищную ошибку. Очевидным также является роль новой доминанты в качестве смотровой площадки с воистину уникальными характеристиками. И самое главное то, что строительство колокольни Смольного собора — это завершение авторского замысла великого зодчего. Пусть даже на это уйдет в общей сложности более 200 лет. Отмечу также, что сделанное нами совмещение показало, что новое здание хорошо впишется в сформировавшийся городской ландшафт.

— Достаточно ли исторических обоснований для начала реализации проекта?

— Доподлинно известно, что колокольня была достроена до второго яруса, но была впоследствии разобрана по ряду не зависящих от Растрелли причин. Фундамент, найденный в ходе проведения археологических раскопок, я видел собственными глазами. Это мощнейшая плита невероятных габаритов, которая полностью сохранилась. Ведь по задумке архитектора высота колокольни должна была составить 170 м. Поэтому вопрос для меня лично вообще не является дискуссионным: реализацию этого проекта я рассматриваю как восстановление ранее существующего здания. Нам повезло, что сохранилось очень много архивных материалов. В частности, чертежи автора, которые в настоящее время находятся в Варшаве, а также модель собора, хранящаяся в Академии художеств. Я убежден, что амбиции Растрелли, который называл Смольный собор «великолепным храмом», нужно реализовать, и такая возможность есть.

— Достаточно ли в Петербурге квалифицированных кадров, способных выполнить такие виды работ?

— К счастью, такие специалисты у нас есть. В Петербурге достаточно учебных заведений, где готовят реставраторов. При этом такие объекты, как, например, колокольня, помогают им приобрести уникальный опыт. Именно участие в столь знаковых проектах делает из них профессионалов высокого класса.

— Если проект все же состоится, то сколько времени понадобится на возведение колокольни?

— Учитывая уникальность этого объекта, то при отсутствии проблем с финансированием сам процесс строительства может занять до четырех лет, а подготовка проектно-сметной документации — около трех лет.

— Выходит, что строительство колокольни на много лет «выбьет» Смольный собор с туристической карты города?

— Совсем наоборот. Если грамотно подойти к вопросу, то сам процесс строительства может привлечь внимание огромного количества людей — как, например, это происходит с собором Святого Семейства в Барселоне. Просто нужно вести работы элегантно, красиво и интересно. И, что важно, здесь есть где развернуться. Тогда еще до завершения реализации проекта он будет известен во всем мире.

Город из песка и палок

— основа —

Небесная линия Северной столицы своим появлением обязана не только вопросам субординации или религии: больше нагрузки эти «мшистые топкие берега» вряд ли бы вынесли. Подземелье исторического центра — это сваи, длина которых достигает девяти метров, а количество — нескольких тысяч под отдельным зданием.

«В Петербурге действовал указ: не строить домов выше Зимнего дворца (примерно 24 м),— говорит заведующий кафедрой оснований и фундаментов ПГУПС, профессор Владимир Улицкий.— Кроме этического посыла (негоже ставить свой дом выше царского), в этом правиле заключался и эмпирически найденный геотехнический смысл. Дело в том, что город построен на слабых глинистых грунтах, перекрытых несколькими метрами песков. Именно эти пески держат исторические фундаменты и распределяют нагрузку на слабые грунты до того уровня, который те способны нести. Только храмы и башни могли строиться высокими. Для них и для наиболее ответственных казенных зданий устраивались свайные фундаменты. Сваи были деревянные, длиной не более 9 м. Ни до какого надежного грунта они достать не могли. Наши предшественники, понимая это, говорили об уплотнении грунта сваями, то есть о создании, как мы сказали бы теперь, уплотненной песчаной подушки, армированной деревянными вертикальными элементами».

Исаакиевский собор стоит на подушке из таких свай: по одним данным, их 11 тыс., по другим — 24 тыс. Поверх подушки устраивались деревянные плоты, а выше — бутовая кладка из гранита или — чаще всего — постелистого известняка. Точно так же были сооружены фундаменты Петропавловского собора, башни Адмиралтейства, корпусов Новой Голландии.

Исаакий — самый яркий и впечатляющий пример победы инженерного расчета над стихией, хотя бы потому, что он огромный: 102 м высотой и 4 тыс. кв. м площадью. Известно, что центральная часть собора слегка проседает, этот процесс иногда замедляется, но в среднем усадка составляет 1–2 мм в год (и если вы окажетесь в храме, это будет заметно по полу невооруженным взглядом). Но он — не единственная жемчужина мастерства зодчих двух-трехвековой давности. Одна из высотных доминант — Смольный собор — готова поспорить с Исаакием.

Город построен на слабых глинистых грунтах, перекрытых несколькими метрами песков. Именно эти пески держат исторические фундаменты и распределяют нагрузку на слабые грунты до того уровня, который те способны нести

Небоскреб эпохи барокко

«Касательно строительства Смольного собора сохранилась собственноручная запись Франческо Бартоломео Растрелли, гласящая: „Ввиду слабости грунта вынуть оного на три сажени более, чем было изначально означено“,— рассказывает координатор городской комиссии по основаниям, фундаментам и подземным сооружениям, генеральный директор института «Георекнструкция» Алексей Шашкин.— Со дна этого глубокого котлована забивали деревянные сваи. Так при строительстве собора возник весьма обширный подземный объем, по легенде, служивший в последнюю войну штабом Смольного».

Десять лет назад археологи обнаружили перед собором фундамент колокольни, задуманной Растрелли: с небывалой для тех времен высотой 140 м она должна была стать самым высоким храмом империи. Однако дальше служебных построек дело не пошло.

«Возможно, отмеченная слабость грунтов или же закат елизаветинского правления послужили причиной, отчего так и не была закончена колокольня собора — этот дерзновенный небоскреб эпохи барокко, который по замыслу Елизаветы должен был превзойти высоту Ивана Великого вместе с Кремлевским холмом,— говорит господин Шашкин.— Колокольня была возведена до уровня существующих вспомогательных корпусов, но сегодня от нее сохранились лишь фундаменты. Сохранился макет ансамбля с колокольней, сделанный в мастерской Растрелли. Он дает реставраторам всю полноту информации о памятнике. Конечно же, колокольня изменяет привычное восприятие ансамбля. Это какой-то невероятный порыв вверх».

Математических расчетов Растрелли не осталось, но они, по словам господина Улицкого, и не нужны: расчетов в нашем понимании зодчие прошлого не делали. Строительное искусство развивалось эмпирическим путем: то, что не соответствовало законам сопромата, тогда еще не открытым, до наших дней не дошло. Но сохранились «правильно построенные» сооружения, среди них — и рекордсмены по высоте Ульмский и Кельнский соборы с башнями высотой более 150 м. «Так что исторические аналоги существуют,— говорит профессор.— Правда, боюсь, что из-за слабости грунтов колокольню Смольного собора ждала бы участь кампанилы собора Сан-Марко в Венеции — без длинных железобетонных свай, опирающихся на надежные грунты, возведение сооружения высотой 140 м было делом весьма рискованным».

Алексей Шашкин считает, что к идее возведения колокольни можно вернуться: «Сегодня эта эпоха вызывает живой интерес. И не только в архитектуре, но и, например, в классической музыке. В искусстве всегда чередуется стремление к лаконичности с желанием излишеств. Мы устали от лапидарности, в архитектуре снова появился интерес к детали. Одновременно петербуржцев привлекают уникальные явления — например, „сосуля“ „Лахта-центра“ (этот неологизм, приписываемый одному из губернаторов нашего города, вполне заслуживает того, чтобы стать его неформальным названием), дивный вантовый мост у нового стадиона, да и сама эта летающая тарелка с антеннами. В этом контексте почему бы не достроить самое высокое сооружение елизаветинского времени? Насколько это уместно — вопрос к специалистам в области градостроительства. Хотя не думаю, что кто-то осмелится спорить с тенью великого зодчего. Как специалист в области прочности, могу сказать, что технической проблемы достроить творение Растрелли сегодня не существует. Конечно же, его придется возводить на современных сваях, которые пронзят исторический бутовый фундамент. Но фундамент непременно должен быть сохранен как своеобразный мост из прошлого в наше время».

Тактичная незаметность нового

«Георекнструкция» имела отношение к воссозданию массы памятников архитектуры, в том числе таких непростых, как Каменноостровский театр, в котором одновременно меняли надземную и подземную части. Удалось сохранить более 70% подлинных деревянных конструкций. При этом все новое, что необходимо современной театральной технологии, театр получил благодаря устройству развитого подземного объема прямо под ним. Аналогичное развитие подземных объемов получают и исторические корпуса Новой Голландии. Главное в этом подходе — тактичная незаметность нового.

Реставрация стала возможной с помощью разработанной компанией FEM-models. «Это наш программный продукт, ни в чем не уступающий зарубежным аналогам, а кое в чем даже превосходящий возможности конкурентов,— говорит господин Шашкин.— Мы считаем себя продолжателями традиций отечественной школы численных расчетов, которая была в нашей стране на подъеме в 1990-х годах благодаря трудам профессора А. Б. Фадеева, А. К. Бугрова и других. Сегодня институт „Георекнструкция“, к сожалению,— единственная в России организация, разрабатывающая конкурентоспособный софт в области совместных расчетов сооружений и оснований. Простая истина нашего времени состоит в том, что наука и строительная технология развиваются там, где разрабатываются расчетные программы. Если мы покупаем зарубежные программы — мы финансируем тем самым науку за рубежом».

Однако не каждый фундамент нуждается в изменении: «Георекнструкция» когда-то выступила против усиления фундаментов в Морском соборе Кронштадта, Бирже на стрелке Васильевского острова, соборах Старой Ладоги и Тихвина.

«Усиливать исторические здания необходимо только тогда, когда они в этом нуждаются,— считает господин Шашкин.— К сожалению, закон об охране памятников в случае, если затронуты проблемы прочности, бездумно отправляет нас к действующим строительным нормам. Но построенный столетия назад памятник заведомо не может соответствовать современным нормам, разработанным для нового строительства. Не следует приводить его в соответствие насильственно, нанося ущерб его подлинности. Можно пойти другим путем: выполнить ремонт его конструкций, ограничить количество посетителей и уровень так называемых полезных нагрузок. Сегодня мы обращаем внимание Минстроя и Минкульта на настоятельную необходимость разработки специальных норм для памятников. Ведь памятник — это сооружение, которое на протяжении веков своего существования претерпело всевозможные воздействия и самим фактом своего существования доказало, что с ними успешно справилось. Поэтому занимаясь реставрацией памятника, надо прежде всего восстановить работоспособность его исторических конструкций, проводить детальный мониторинг его состояния и только при доказанной необходимости внедрять новые элементы усиления. Именно такой путь мы рекомендовали для Кронштадтского морского собора, для здания Биржи на стрелке Васильевского острова, для Преображенской церкви в Кижах, двадцатилетняя реставрация которой, наконец, завершена по нашему проекту».

«Объекты культурного наследия требуют постоянного внимания,— добавляет господин Улицкий.— Следует регулярно ухаживать за ними — своевременно лечить малейшие трещины и дефекты. Необходим общегородской инструментальный мониторинг за состоянием памятников и исторических зданий. Это не благое пожелание, это прямое требование федерального закона № 384 „Технический регламент о безопасности зданий и сооружений“. Благодаря мониторингу мы будем точно знать „состояние здоровья“ каждого здания и своевременно планировать средства на оказание необходимой помощи. Поддержание памятников и исторической застройки в хорошем состоянии — не только наша обязанность, это и весьма выгодное дело, привлекающее в город туристов».

Наталья Садовская